

Александр Рудазов

АРХИМАГ
РЫЦАРИ ПРЕЧИСТОЙ ДЕВЫ
САМОЕ ЛУЧШЕЕ ОРУЖИЕ
СЕРАЯ ЧУМА
ВОЙНА КОЛДУНОВ. ВТОРЖЕНИЕ
ВОЙНА КОЛДУНОВ. ШТУРМ ЦИТАДЕЛИ
ДЕТИ СУДНОГО ЧАСА
СОВЕТ ДВЕНАДЦАТИ
ШУМЕРСКИЕ НОЧИ
БИТВА ПОЛЧИЩ

ТРИ ГЛАЗА И ШЕСТЬ РУК
ШЕСТИРУКИЙ РЕЗИДЕНТ
ДЕМОНЫ В ВАТИКАНЕ
СЫН АРХИДЕМОНА

ТРИ МУДРЕЦА В ОДНОМ ТАЗУ
ТАЙНА ПОХИЩЕННОЙ БАШНИ

ЭКИПАЖ

РАССКАЗЫ ИЗ ПРАВОГО БОТИНКА

ВЛАСТЕЛИН

ЗВЕРОЛОВ

Александр Рудазов

Зверолов

Роман

Москва, 2014
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Р83

Художник
И. Воронин

Рудазов А. В.

Р83 Зверолов: Фантастический роман.— М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014. — 345 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-1880-0

Люди всегда надеялись, что не одиноки во Вселенной. Надеялись, что на далеких звездах встретят братьев по разуму или хотя бы просто живых существ. В один прекрасный день они их встретили. И не одного, не двух — безмерное многообразие жизненных форм. Сотни живых планет, флора и фауна которых не уступает нашей Земле. И чтобы все желающие смогли ознакомиться хотя бы с частицей этого богатства, были созданы космические зоопарки.

Профессию героя этой книги не назовешь обычной или скучной. По долгу службы ему приходится летать на далекие планеты и сталкиваться с самыми невообразимыми существами. Десятки и сотни световых лет приходится преодолевать ради того, чтобы поймать и привезти на Венеру такое животное, которое туда еще никто не привозил. Чтобы еще немного увеличить коллекцию крупнейшего в Солнечной Системе зоопарка и еще немного обогатить человеческие знания о Вселенной и тех, кто в ней обитает.

Его зовут Маартен Троост, и он космический зверолов.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Рудазов А. В., 2014
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014

ISBN 978-5-9922-1880-0

История первая ПРАВИЛА ОХОТЫ

«Нимрод» вышел из гиперпространства 24.10.65, 14:53 УТ. Маартен Троост в этот момент сидел в рубке и играл с корабельным мозгом в го.

Пак Ён просто обожал эту игру. При биожизни он дважды участвовал в чемпионате мира среди любителей, хотя и не занял высоких мест. Эта любовь сохранилась в нем и после киборгизации.

— Подлетаем к Килиме, — между делом сообщил Пак. — Приземление через четыре часа.

Троост коснулся гобана. Черный камень возник в его пальцах и остался на пересечении линий. И гобан, и камни были допреальными, но очень правдоподобными. Они отчасти обманывали даже чувство осязания, хотя Троост и понимал, что это всего лишь изображения на визоре.

— Атари, — ехидно произнес корабельный мозг.

Троост задумался над следующим ходом. Трудная позиция. Допреальный двойник Пака, сидящий напротив, злобно ухмылялся. Он выглядел точно так же, как при биожизни — крошечного роста престарелый монголоид, без единой волосинки на голове и покрытый морщинами, как печеное яблоко. Пак прошел киборгизацию в двести пять лет, глубоким стариком.

Средняя продолжительность жизни в двадцать пятом веке составляет двести десять лет. Замедляющие старение препараты, косметологическая хирургия, клонирование и пересадка органов или даже смена всего тела, киберимпланты и биомодификанты — все это позволило удлинить естественный человеческий срок почти втрое.

Большого пока добиться не удастся, поскольку мозг тоже стареет, а это единственный орган, который невозможно заменить. Однако еще в начале прошлого века был найден способ значительно замедлить его старение — правда, для этого приходится расстаться с человеческим телом.

Сейчас Паку уже почти триста лет, но его мозг находится в высокотехнологичном контейнере жизнеобеспечения размером с небольшую комнатку. Гулять по улицам в подобном ящике трудновато, поэтому подобные ему «бессмертные» либо ведут жизнь отшельников, ограничиваясь Инфранетом и допреальностью, либо становятся координирующими интеллектами звездолетов, технокомплексов или орбитальных станций.

Пак Ён выбрал второе.

При биожизни он был выдающимся пилотом-навигатором — остался им и после киборгизации. Ему доверили «Ной» — самый первый специализированный корабль-зверолов. А двадцать лет назад, когда сильно устаревший «Ной» ушел на слом, Пака перевели на только что сошедший со стапелей «Нимрод». Тогда же его капитаном и стал Маартен Троост — штатный зверолов Венерианского зоопарка.

— Сдаюсь, — вздохнул Троост, кланяясь противнику.

— Спасибо за игру, — поклонился в ответ Пак.

Гобан и камни какой-то миг померцали и исчезли. Исчез и допреальный Пак. Троост же повернул кресло к видеокну, показывающему открытый космос точно таким, какой он сейчас перед «Нимродом».

В правом верхнем углу пылала Звезда Ломоносова — желто-белый карлик класса F8. Чуть поодаль белел перечеркнутый кружочек — Блэуэнплан, газовый гигант, втрое больше Юпитера.

Однако курс «Нимрода» лежал дальше, к пока еще не видной невооруженным глазом Килиме, четвертой планете системы. Тридцать пять световых лет от Земли, почти шесть суток в гиперпространстве — и вот Троост у цели. Очередная его экспедиция по сбору животных для Венерианского зоопарка.

Маартен Троост уже сбился со счета, сколько всего совершил таких экспедиций. Не меньше сорока, пожалуй. Он начинал в Керкирском зоопарке, а после его закрытия перешел

в Венерианский. И все же каждая новая экспедиция, каждая новая планета — это удивительное, ни с чем не сравнимое чувство. Ощуаешь себя Колумбом, Армстронгом, Щербачевым!

За минувшие двести лет люди открыли примерно тысячу звездных систем. И более чем на двухстах планетах была найдена жизнь. Истинное раздолье для натуралиста! Словно бесконечный рог изобилия — все новые и новые планеты, все новые и новые формы жизни! Уникальные, интереснейшие, самые невероятные!

Увы, миров с разумной жизнью было найдено гораздо меньше. Всего лишь шестнадцать. Причем пятнадцать из них населены первобытными существами. Звериные шкуры, палки-копалки и каменные топоры. В лучшем случае медные. Даже Иннаа, единственная цивилизация, которую с натяжкой можно назвать развитой, технически соответствует веку восемнадцатому, не более. Пройдет еще не одно столетие, прежде чем они выйдут в космос.

Конечно, в этом нет ничего удивительного. История человечества — это ведь тоже на девяносто девять процентов охота, собирательство и наскальная живопись. Каменный век закончился каких-то восемь, от силы девять тысяч лет назад — сушая ерунда по геологическим меркам.

Практической пользы от этих контактов не было. Торговать с дикарями просто нечем — если не считать всяких поделок и сувениров, у них нет ничего ценного. На их планетах встречаются кое-какие полезные ресурсы, но их гораздо проще и выгоднее добывать на астероидах.

К тому же на Земле уже больше ста лет действует закон, согласно которому ни на одной живой планете не может быть размещено никакое производство без специальной правительственной санкции. Предполагается, что такую санкцию могут выдать, если где-нибудь будет обнаружено нечто уникальное, очень ценное и при этом отсутствующее на всех остальных планетах. Какой-нибудь сверхредкий минерал. Но пока что ничего такого ни разу не находили.

Выйдя на орбиту, Троост связался с планетарным лесничеством. Единственное здание на Килиме. Такие построены на всех живых планетах — в качестве наблюдательных пунктов.

— Говорит «Нимрод», корабль-зверолов Венерианского зоопарка, пятеро человек экипажа, — сказал Троост. — Прошу разрешения на посадку.

— Слышу вас, «Нимрод», — донеслось из динамика. — Посадку разрешаю. Канал связи открыт — синхронизируйтесь.

Троост так и сделал. Локальные сети корабля и лесничества слились в единое целое, позволяя обмениваться данными.

Всю Солнечную Систему окутывает Инфранет — бездна информации, накопленной человечеством. К сожалению, дальше она не простирается — слишком уж велики расстояния между звездами. Поэтому на звездолетах и звездных колониях собственные инфосети, локальные.

Совершив два витка вокруг планеты, Троост направил «Нимрод» на посадку. К малому материка, разумеется. На Килиме их всего два — большой, в полтора раза крупнее Евразии, расположен в полярной зоне и не очень-то богат живностью. Тундра, тайга и холодные степи вдоль побережья. Зато малый изборожден горными цепями, между которыми колышутся кишасшие зверьем тропические леса. Девяносто процентов сухопутной фауны Килимы обитает на малом материке.

Для основной базы Троост облюбовал равнину близ устья мелководной реки на западе материка. Южнее возвышаются небольшие глыбовые горы, а севернее — влажный вечнозеленый лес. До лесничества около двух тысяч километров — не слишком близко и не слишком далеко.

Корабль приземлился очень мягко, почти неощутимо. Включилось антигравитационное поле, вибрирующие диски чуть слышно коснулись земли и погрузились в нее на несколько миллиметров. После этого «Нимрод» затих.

Троост уже ждал у шлюза. Облаченный в повседневный желтый комбинезон, высокий, грузный, с объемистым животом, копной каштановых волос, пышной бородой и лучистыми голубыми глазами. В свои восемьдесят три года Маартен Троост мог считаться человеком средних лет, но выглядел моложе — спасибо биотехнологиям и здоровому образу жизни.

Как только зверолов вошел в шлюз, автоматически вклю-

чился антибактериальный душ. Взвесь крошечных капель окутала Трооста, уничтожая все земные микроорганизмы, которые он мог бы занести на Килиму.

Еще ни разу не случилось такого, чтобы землянин подхватил инопланетный вирус или сам стал источником заразы для инопланетян. Ведь каков бы ни был вирус, он инфицирует лишь определенные типы клеток. Одни поражают какой-то конкретный их вид, другие — группу видов, третьи вообще работают в широком диапазоне, но для всех них инопланетные формы жизни — нечто чуждое, непонятное и безусловно несъедобное.

Однако в один прекрасный день из этого правила может обнаружиться исключение. Да и болезни переносятся не только вирусами — существуют грибы, простейшие...

Так что технику безопасности отменять никто не собирается.

Комбинезон высох в течение десяти секунд. «Умная» ткань, из которой он состоит, самоочищается от всех посторонних веществ и даже способна восстанавливать поврежденные участки. Кроме того, комбинезон оснащен сапогами на гравитационной подошве, ИГ-поясом, климат-контролером и силоэкранным шлем-воротником, а также может выполнять функции гидрокостюма и даже легкого скафандра.

Но на Килиме это не требуется. Воздух пригоден для человека, поэтому не нужен ни скафандр, ни даже маска. Однако атмосфера все же отличается от земной — слишком много аргона, углекислота тоже повышенная.

В такой атмосфере рекомендуется использовать носовые микрофильтры, но Троосту не требуется и этого. Он еще в молодости прошел биомодификацию дыхательной системы, позволяющую отфильтровывать вредные примеси. Маартен Троост может дышать в любом воздухе, в котором достаточно кислорода и нет едких газов. Очень полезно для космического путешественника.

А вот с силой тяжести никакая модификация не справится. На Килиме она равна 1,29 g. Чувствуя, как ноги наливаются свинцом, Троост вызвал панель управления ИГ-поясом и снизил свой вес на двадцать процентов.

Теперь он мог спокойно осмотреться. В месте приземления «Нимрода» солнце только-только взошло. Оно показало

лось из-за небольших изумрудно-зеленых холмов, которые наверняка богаты живностью. Из травы доносились приглушенные звуки, похожие на птичий щебет — однако птиц на Килиме нет. Надо будет отловить этих певцов.

Обернувшись, Троост с сожалением подумал, что «Нимрод» несколько нарушает первозданную гармонию планеты. Бронзового оттенка, полусферический, со стороны корабль-зверолов похож на сплюснутый колокол или перевернутую миску. Относится к классу среднетоннажных звездолетов, имеет шестьдесят пять метров в высоту и сто двадцать в диаметре. Он может принять на борт, прокормить и обеспечить всем необходимым две тысячи живых существ, но экипаж его состоит всего из четырех человек. Пятерых, если считать Пака.

Один из членов экипажа как раз вышел из шлюза. Урс Таркас, бортмеханик. Он выгружал и активировал дронов — тридцать восемь крошечных шарообразных разведчиков и шесть многоруких охотников. Они будут выслеживать и отлавливать обычную, широко распространенную фауну. А вот редкими, малоизученными и особо крупными экземплярами Троост займется сам.

Дронов Урс Таркас настраивал молча, не перекинувшись с Троостом и словом. Он вообще отличался флегматичностью, разговаривал редко и односложно, обычно ограничиваясь ответами на вопросы. Это характерно для многих коренных марсиан — они по самой природе необщительны.

Большинство марсиан ничем не отличается от землян. Троост сам прожил на Марсе два с лишним года, когда изучал марсианского кондора. Произошедшая от земного вида, в марсианских условиях эта птица добилась почти шести метров в размахе крыльев и обзавелась устрашающей величины когтями. К тому же его место в пищевой цепочке переместилось от «падальщика, изредка хищника» к «хищнику, изредка падальщику». Сейчас марсианский кондор — гроза небес Красной планеты, он охотится на тапиров, бизонов и кенгуру, а порой нападает и на человека.

Ну а так называемые коренные марсиане — это такие же потомки земных колонистов, как и все остальные марсиане. Однако в отличие от прочих коренные марсиане жили и рожали детей в зонах естественной марсианской гравитации, в

силу чего уже пару поколений спустя стали фактически новой расой. Коренного марсианина заметно сразу — они очень высокого роста, но при этом ужасно худые. Тот же Урс Таркас выше Трооста на целую голову, но весит почти вдвое меньше.

Эта мода зародилась еще в двадцать втором веке, причем сначала не на Марсе, а на Луне. Но «коренные селениты» особой популярности не получили, и вскоре эта субкультура совсем зачахла. Все-таки Луна, несмотря на многолетнее терраформирование, так и осталась не слишком-то комфортным местом.

А вот «коренные марсиане» превратились в самый настоящий народ. Даже не народ, а полноценную расу. Сейчас их около тридцати миллионов, у них есть собственная культура (во многом, правда, скопированная у Брэдбери и Берроуза) и даже собственный язык. Его создали на основе эсперанто, латыни, английского, испанского и наречия индейцев чероки. В двадцать пятом веке его носители перешли на всеземной, но и «марсианский» язык по-прежнему учат, разговаривают на нем с сородичами.

Поскольку на «Нимроде» поддерживается стандартная земная гравитация, Урс Таркас постоянно держит ИГ-пояс на сорока процентах. Иначе он бы просто переламывался под собственной тяжестью. Здесь, на Килиме, он наверняка снизил свой вес еще сильнее.

Дронов-разведчиков Урс Таркас почти сразу же отправил в свободный дрейф. А вот охотников он передавал Троосту. Тот каждому из них давал конкретные инструкции — кого ловить в первую очередь, кого во вторую, кого вообще игнорировать. Первого охотника Троост отправил в горы, второго на равнину, третьего к морю, двоих в лес, а последнего оставил при себе для мелких поручений.

Просматривая бестиарий Килимы, Троост синхронизировал его со списком задач зоопарка. Теперь все животные промаркировались четырьмя цветами. Зеленый — в зоопарке достаточно особей такого вида, либо они вообще не представляют интереса. Желтый — в зоопарке уже имеется, но при случае можно прихватить еще парочку. Оранжевый — изученные, но не представленные в зоопарке виды или представленные недостаточно, желательно поймать и привезти.

Красный — на Землю еще ни разу не привозили, и зоопарк очень заинтересован в их получении.

Кроме того, есть немаркированные. Это недавно открытые виды, данные о которых еще не поступили в Инфранет. В зоопарке их, разумеется, тоже еще нет, поэтому их необходимо брать в первую очередь.

Желтых и оранжевых будут ловить дроны-охотники. Красных и немаркированных — Троост. О красных информации слишком мало, о немаркированных ее нет вообще. Тут могут подстергать разные неожиданности.

Когда «Нимрод» вернется на Землю, его инфосеть синхронизируется с Инфранетом, банк данных пополнится новыми сведениями, и немаркированные виды станут красными. Или оранжевыми, если Троост привезет живые образцы.

Всего немаркированных видов оказалось четыре. Гигантская волосатая жаба, крыса-летяга, клыкожор крюконогий и обезьяна-волкоглав. Все они были открыты за последние четыре месяца, и на Земле об их существовании пока что не знают. Надо будет заглянуть в лесничество, пообщаться. Можно через инфосеть, конечно, но личный визит обычно результативнее.

К тому же там наверняка чем-нибудь угостят, а Троост никогда не упускал возможности подкрепиться.

Первую добычу доставили уже через пару часов. Охотник номер три принес в силовом пузыре семь отличных летучих рыб. Троост осмотрел их, убедился, что все особи живы, здоровы и не слишком напуганы, и аккуратно переправил в уже подготовленный аквариум на пятьдесят тысяч литров.

Большую часть вольеров «Нимрода» Троост настроил еще во время перелета. Для сухопутных животных, для водных, для летающих. Для хищников и травоядных. Для гигантов и крохотулк. В каждом вольере поддерживается специализированная килимская среда обитания — привычный состав воздуха и воды, привычная сила тяжести, привычная микрофлора. Килимская почва, килимские растения. Невольные гости «Нимрода» не должны испытывать ни малейшего дискомфорта.

Пересадив в аквариум летучих рыб, Троост некоторое время еще стоял рядом, просто любуясь. Летучие рыбы Килимы удивительно красивы. На солнце их чешуя переливает-

ся всеми цветами радуги, плавники искрятся, точно бенгальские огни, а в полете за ними развевается красочный хвост-шлейф.

И в отличие от своих дальних земных родственников, они действительно летают. Их плавники — это самые настоящие крылья, не уступающие птичьим. И хотя дышат они все еще жабрами, в челюстной полости летучие рыбы хранят запас воды, благодаря чему могут оставаться в воздухе полчаса и даже более.

Этот вид промаркирован оранжевым — в Венерианском зоопарке уже есть несколько экземпляров, но Трооста просили привезти еще. Ловить, разумеется, нужно парами. Минимальный набор — один самец и одна самка.

А лучше с запасом, на случай внезапной гибели и просто для разнообразия генофонда. Всякое животное ведь рано или поздно скончается, поэтому Венерианскому зоопарку нужны группы, способные к самопроизводству. Иначе останется только клонировать, а клонирование инопланетных организмов разрешается лишь в особых случаях. Пополнение коллекции зоопарка к таковым явно не относится.

В этом аквариуме им будет немного тесновато. Летучим рыбам нужен простор. Но ничего не поделаешь — до возвращения на Венеру придется потерпеть. А там они получают в свое распоряжение огромный надводный авиарий.

Устроив летучих рыб, Троост запрограммировал им пищуподачу. Поскольку в зоопарке этот вид живет уже несколько лет, в синтезаторе были все данные об их диете, состоящей в основном из воздушного планктона. Воздух Килимы немного плотнее земного и очень богат мелкими насекомыми, особенно в прибрежных областях.

Едва Троост закончил, поступил сигнал от охотника номер пять. Он принес пару москитов-дракул. Тип — членистоногие, класс — хрящистые, отряд — шестикрылые, семейство — комароподобные. Издалека напоминают земных москитов, но размером с крупную ворону. К насекомым эти создания отношения не имеют — у них тоже сегментированные тела и хитиновый покров, но под ним скрывается твердый стержень из ткани, сходной с хрящом. Многие таксономисты даже полагают, что хрящистых следует относить не к членистоногим, а к позвоночным.

Троост еще не успел толком обустроить москитов-дракул, как охотник номер четыре притащил орнитопода. Почти одновременно с ним охотник номер два доставил упирающегося светляка-фейри. Позже всех явился охотник номер один, но зато с самой крупной добычей — горной медузой размером с небольшой флаер. Летучее кишечнополостное гневно извивалось и шарило могучими щупальцами, но наталкивалось на стенки силового пузыря.

Пришла пора подключать киперов. Это именно их работа — обустраивать пойманных животных, ухаживать за ними, следить, чтобы каждый зверек был сытым, чистым, здоровым и счастливым. Пока добычи немного — работа несложная, но когда «Нимрод» будет забит доверху, девчонки сойдутся с ног. Так в каждой экспедиции.

Киперов в экипаже «Нимрода» обычно двое. Сейчас это Латиша Эмекун, двадцать семь лет, четвертый вылет, и Богуслава Иржичкова, двадцать четыре года, первый вылет. Эмекун — довольно полная, чернокожая, заплетает волосы в две толстые косы и собирается в следующем году сдавать экзамен на старшего кипера. Иржичкова — субтильная брюнетка с волосами, стянутыми в конский хвост, очень любопытная и ходит с чуть приоткрытым ртом, словно все время чему-то удивляется.

Первые две недели Троост и сам почти не покидал «Нимрод». Добыча шла сплошным потоком, некогда было присесть. Потом паузы между появлением охотников стали увеличиваться. Они собрали широко распространенную фауну этих мест и с каждым разом улетали все дальше и дальше. Если в первые дни каждый дрон успевал сделать по семь-восемь ходок, то теперь — всего по две-три.

Ловили в основном крупных животных. Если добычу уже с пары метров трудно разглядеть невооруженным глазом, зоопарку это не очень интересно. Насекомых и другую мелкоту Троосту поручено брать только особенных, чем-то отличающихся от тех, что уже имеются в Венерианском зоопарке. А поскольку в его инсектарии более двухсот тысяч видов, найти что-то подобное — задачка непростая...

На шестнадцатый день экспедиции охотник номер пять впервые не вернулся. За целые сутки он не обнаружил ника-

кой добычи из списка. Это означало, что Троосту пора начинать собственные вылазки.

Но вначале он решил нанести визит вежливости в лесничество. Его там уже дожидались — на Килиме нечасто видят новые лица. Планета далекая, колонии нет, звездолеты заходят раз в полгода. В планетарных лесничествах обычно работают сменами — шести- или двенадцатимесячными.

Полет занял сорок минут. Флаер мог долететь вдвое быстрее, но Троост никуда не спешил. Он задал курс и откинулся в кресле, любуясь панорамой из-под силового колпака. Чтобы развить предельную скорость, нужно подниматься в стратосферу, а оттуда ничего толком не разглядишь.

Всего к «Нимроду» приписаны три флаера — легкий, средний и тяжелый. Легкий — двухместный и развивает до восьми тысяч километров в час. Средний — шестиместный, может взять пять тонн груза и развивает до трех тысяч километров в час. Тяжелый же предназначен для перевозки особо крупных животных, берет до шестидесяти тонн груза и развивает до полутора тысяч километров в час. Взлет и посадка у флаеров вертикальные, все оборудованы буксирами-антигравитационными и могут выходить на орбиту, служа космическими баркасами или спасательными шлюпками.

Планетарное лесничество Килимы устроилось рядом с небольшим плато, со всех сторон окруженное приземистыми деревьями с голыми ветвями. Килимские баобабы. Они покрываются листвой всего на месяц в году — все остальное время экономят воду, храня ее в пузатых стволах-бутылях.

Большая часть лесничества находится под землей. Склады, лаборатории, ангар, технические помещения. На поверхности только жилищно-рекреационная зона — два шестиместных и четыре двухместных коттеджа, сауна с бассейном, спортплощадка, беседка-кафетерий. Сверху силовой купол, защищающий от непогоды.

Несмотря на то что станция рассчитана на двадцать сотрудников, реально их здесь и сейчас всего восемь. Четверо — персонал, четверо — ученые. Комендант, интендант, механик, пилот-рейнджер, геолог, зоолог, ботаник и метеоролог.

— Корабль-снабженец последний раз заходил четыре месяца назад, — рассказывала комендант — высокая седая жен-

щина с гордой осанкой. — Привез нам новый флаер, заправку и Дзоффа. — Толстенький ботаник скромно поклонился. — Хотя заправка нам тут и не нужна — местные углеводороды человеку годятся. Можно просто рвать траву.

— Это из травы? — спросил Троост, прихлебывая чай из блюда.

— Ну уж нет! — хмыкнула комендант. — Синтезированный чай я терпеть не могу! Это, дорогой мой, двадцатилетний юньнаньский пуэр! Высший смак!

Эта женщина, Лис Лезирович, руководила килимским лесничеством со дня его создания — вот уже почти тридцать пять лет. Другие сотрудники периодически менялись, а она жила почти непрерывно. Не так давно ей исполнилось сто восемьдесят, близких людей на Земле не осталось, и она была твердо намерена закончить свои дни на Килиме.

— Я же сначала с мужем тут жила, — поделилась Лезирович. — Он гидрологом был. Десять лет мы здесь вместе провели. А потом он умер — возраст, дорогой мой, что же вы хотите. Завещал похоронить себя в океане.

Судя по скучающим лицам сотрудников, они эту историю слышали уже неоднократно. Троост решил сменить тему и заговорил о том, что его больше всего интересовало — о новооткрытых видах.

— Да-да, конечно, — оживился зоолог — худошавый мужчина лет шестидесяти. — Я вообще-то специалист по многощетинковым червям, но в этом году работал в центральной области материка, так что открыл и несколько крупных видов. Что-то конкретное узнать хотите или так, в общем?

— В общем. Вы кого-нибудь из них ловили?

— Клыкожора ловил, но сразу отпустил. Проглот ужасный — никакой заправки не напасешься. А остальных нет. Будете ловить?

— Конечно. Для того и прилетел.

— Умгум... Ну, жабу вы найдете в больших водоемах, на самом дне. Не особенно распространенный вид, придется поискать. Я вам на карте отмечу, где ее видел. На суше не ищите — она хоть и похожа на земных жаб, но вовсе не амфибия, дышит исключительно водой. Летягу лучше брать ночью — днем поймать и даже просто заметить их сложно, а вот

ночью они спят в дуплах, там их голыми руками брать можно. Клыкожор... с ним осторожнее, цапнуть может.

— Охотится на людей? — удивился Троост.

— Специально нет. Но он не видит ни черта и жрет все, что в пасть попадает. Траву — так траву, кору — так кору, насекомых — так насекомых, руку всунешь — так и руку отхватит. По-моему, вообще все может переварить. У Зулейхи сапог сожрал.

Мрачная девушка-пилот вытянула ногу, словно демонстрируя, какой именно сапог сожрал гнусный зверь.

— А вот с кем особенно осторожно — это с волкоглавом, — продолжил зоолог. — Волкоглав — это, я вам скажу, настоящий царь килимской природы. Крупные, хищные и очень агрессивные. Распространены довольно широко, особенно в северной части материка, но животные это ночные, очень скрытные и осторожные, так что открыли мы их только в этом году. В последнее время я за ними наблюдаю — очень интересные создания. Занимательный факт — волкоглав никогда не нападает на спящих. Никогда. Если при встрече с ним лечь и закрыть глаза — не тронет. Честное слово, я на себе проверял.

— В самом деле? И почему же?

— А тут дело в том, что волкоглавы не едят падаль. И если он видит спящую добычу — принимает за мертвую. Его не смущает даже запах — волкоглав больше доверяет глазам.

— Похоже, не очень-то это умные животные.

— Да, соображают они туговато. Но зато охотники великолепные. Быстрые, ловкие, очень чуткие и передвигаются совершенно бесшумно. Так что осторожнее.

Троост вежливо наклонил голову. Он был благодарен за совет, но мог бы сказать, что вряд ли зверолову с его стажем нужно напоминать об осторожности. В конце концов, он ловил животных десятки лет, на десятках планет — и все пока что обходилось благополучно.

Ну хорошо, несколько раз его кусали.

И жалили.

И рвали когтями.

Дважды он чуть не умер от яда.

А однажды его даже проглотили целиком.

Но ведь все же обходилось. Да и современная медицина

может вылечить практически что угодно. В считанные часы заживить любую рану, срastить перелом, даже вырастить новую конечность... что, кстати, Троосту один раз пригодилось. Он тогда был еще молодой, неопытный...

На охоту Троост отправился два дня спустя. Он вылетел на среднем фляере, прихватив с собой дрона-охотника номер шесть, модель «Ретривер ZRM-C411». Этот дрон немного отличался от пяти остальных — обладал большим количеством функций, но не умел действовать автономно. Его создавали именно как ассистента зверолова.

Когда Троост шел через лес, дрон парил чуть выше и правее. Цилиндрической формы, он обладал десятью тонкими манипуляторами — четырьмя сверху и шестью снизу. Половина их была снабжена штырьками стоперов, а под днищем мерцало полушарие силового пузыря — этой высокотехнологичной клетки-переноски.

Вокруг охотника и самого Трооста крутилось еще двенадцать шарообразных дронов размером с пчелу — разведчики. Из них шесть постоянно передавали изображение на визор Трооста, моделируя в поле зрения субэкраны.

Когда-то это ужасно напрягало — одновременно следить за шестью картинками, плюс еще седьмая — собственные глаза. Но теперь Троост делал это с легкостью, не упуская ни малейших деталей.

Килимский лес не так уж и отличался от земного. Деревья здесь преобладали низкие, приземистые — следствие более высокой силы тяжести. Кустарника почти не было, а трава стелилась по земле, стараясь прижаться к какому-нибудь стволу, обвиться вокруг него выюном. Обильно росли мхи, покрывая все пушистым ковром.

Многие ветви были усеяны большими яркими бусинами, выглядящими как спелые ягоды, однако то были не ягоды, а цветы. Именно такую форму избрали для своих органов размножения килимские растения, за что и были названы сферосеменными. Чтобы добираться до пахучего нектара, килимским насекомым пришлось отрастить длиннющие хоботки.

Внимание Трооста привлек один из субэкранов. Он сосредоточил на нем взгляд, и картинка приблизилась, демонстрируя удивительно толстое низенькое деревцо, похожее

скорее на огромный пень. Вдоль ствола безвольно свисали ветви, иные из которых оканчивались сочными плодами, напоминающими манго, раскрашенное в зеленую и фиолетовую клетку. Выглядели они необычайно аппетитно.

Маартен Троост просто не смог удержаться. Он всегда был большим гурманом и обожал пробовать что-нибудь новенькое. А если не считать чаепития в лесничестве, последние три недели он питался только едой из биорепликатора.

Нет, в ней нет ничего плохого — синтезированная пища содержит все необходимые компоненты и вещества, имеет тот же вкус, запах и химический состав... и все же чем-то неуловимо отличается от настоящей еды. Никто еще не смог внятно сформулировать, чем именно она отличается, но разницу чувствуют все. Для большинства это несущественно, но уважающий себя гурман все же предпочтет побаловать желудок настоящей едой.

Например, вот этим спелым плодом.

Анализатор сообщил, что плод пригоден для еды. Не токсичен, паразитов тоже не обнаружено, а местная микрофауна землянину не опасна. Насчет вкуса он, правда, даже не заикнулся — и Троост, откусив кусочек, испытал легкое разочарование. Плод оказался... неинтересным. Мякоть довольно жесткая, маслянистая, в центре крупное семечко. Немного напоминает авокадо. Съедобно, но не более того.

В килимском бестиарии это растение значилось безымянным. Только номенклатурный цифро-буквенный код. Следовательно, Троост имел право дать ему название — как первый, вступивший с данной особью в близкий контакт.

— Я назову тебя... хм... невкусное манго, — задумчиво произнес Троост.

Он не мог не признать, что это не самое удачное название. Вполне возможно, что земные таксономисты его забракуют. Даже скорее всего. Но пока пусть будет так.

Съев половину невкусного манго, Троост нашел в нем еще один недостаток. От него сушило во рту. Хотелось чем-нибудь запить. Совсем рядом протекал ручей, но пить оттуда анализатор строго запретил. Вода просто кишит паразитами. Одноклеточные — пока еще безымянные, с неизученными свойствами. Не исключено, что они совершенно

безобидны, однако допускать их внутрь своего организма будет крайне неблагоприятно.

Пришлось обойтись водой из фляжки. В глубоких карманах Трооста фляжек было целых четыре — с водой, холодным чаем, крепким кофе и апельсиновым соком.

Троост не любил сумок и ранцев, предпочитал держать руки и плечи свободными, а потому очень ценил свой универсальный комбинезон с его семнадцатью карманами. Туда вмещались все рабочие инструменты, и еще оставалось место для бутербродов. Анализатор, биоискатель, магнитные щипцы, подводные очки, респиратор, дезинфектант, пачка антигравитантов, силовой насос, силовая палатка, силовая лодка, походный репликатор, шумовой генератор, аптечка, стопер, униор... Троост сам не был до конца уверен, что у него есть в карманах, а чего нет.

Зоолог в лесничестве посоветовал искать гигантскую волосатую жабу в озере Лезирович. Названо, как несложно догадаться, в честь бессменной женщины-коменданта. Или ее покойного мужа. Входит в тройку крупнейших на планете и размерами не уступает земному Виктория.

Почти круглой формы, довольно мелководное, озеро могло похвастаться обилием живности. Биоискатель зафиксировал более двухсот миллионов тонн биомассы и оценил уровень генетического разнообразия в тысячу двести. Большая часть — рыба, водные растения и зоопланктон.

Дрон-охотник медленно пошел над водой. Разведчики же с ходу ушли вглубь. Там им приходилось быть осторожными — какая-нибудь подслеповатая рыба запросто могла принять их за рыбий корм. В среднем так теряется по десять — пятнадцать разведчиков за экспедицию.

Уже через несколько минут один из разведчиков обнаружил добычу. Немного далековато от берега, но ничего страшного. Троост надел подводные очки и прямо в комбинезоне вошел в воду. Погрузившись по плечи, он вызвал панель ИГ-пояса и начал медленно увеличивать свой вес. Сто десять процентов... сто двадцать... сто тридцать... сто сорок...

Ста сорока процентов с лихвой хватило, чтобы не всплывать. Переключив шумовой генератор на режим эхолота и внимательно глядя под ноги, Троост зашагал по илистому дну. Погрузившись с головой, он поправил воротник, чтобы

обеспечить жабрам лучший приток кислорода. Восемь обычных незаметных щелей на шее зверолова раскрылись и забулькали, а ноздри, наоборот, затянулись мембранами.

Если на поверхности все было залито золотистым солнечным светом, то здесь Троост оказался в мире синего и зеленого. Красный и оранжевый цвета исчезли сразу же, а с увеличением глубины пропал и желтый. Понемногу становилось все темнее.

Вокруг сновали разведчики, внимательно наблюдая за потенциально опасными видами. Свою первую серьезную травму Троост получил еще в пять лет, просто неудачно шагнув в воду. У самого берега лежал скат-хвосток, которому совсем не понравилось, что какой-то мальчишка на него наступил. Ядовитый шип насквозь пронзил ступню маленького Маартена, и, если бы не своевременная помощь медиков, «Нимродом» сейчас мог бы командовать кто-нибудь другой.

Именно после того случая Троост и решил стать звероловом.

Гигантскую волосатую жабу Троост вначале не заметил. Это создание, похожее на покрытую зеленым мхом кадушку, совершенно сливалось с ландшафтом. В мутноватой озерной воде оно выглядело просто очередным комком грязи и водорослей, которых на дне были тысячи. Если бы дрон-разведчик не пискнул, робко напоминая, что добыча буквально в двух шагах, Троост прошел бы мимо.

Зато поймать жабу оказалось легче легкого. Неуклюжая, неповоротливая, она полностью полагалась на свою систему маскировки. Троост даже не стал ее стопить — аккуратно ухватил за бока магнитными щипцами, подтянул поближе и загнал в силовой пузырь. Жабе показалось там слишком тесно, и Троост немного расширил пузырь. После этого жаба успокоилась.

Анализатор сообщил, что это самка.

Прилепив к пузырю антигравитант, Троост подвесил жабу к дрону-охотнику на манер воздушного шарика и отправился искать ее товарок. В течение четырех часов он поймал еще три экземпляра — двух самок и самца, который оказался почти вдвое меньше своих будущих супругов. Теперь за Троостом плыла целая вереница силовых пузырей, из которых доносилось недовольное буркотание.

Не помешал бы еще один самец. Никогда нельзя ставить на одного — он может быть больным или слишком старым. Но жабы в озере как будто закончились — ни Троост, ни дроны больше не находили этих зеленых мшистых кочек. Точнее, находили, и во множестве, но они были просто комками грязи и водорослей.

В некоторых из них свили гнезда килимские пауки-плавунцы, но этот вид промаркирован зеленым. Даже если сами вдруг залезут в силовой пузырь, Троост их выпустит.

Еще одного самца Троост так и не нашел. А поскольку уже смеркалось, он решил отложить это на завтра и заняться пока крысой-лятягой.

Троост поручил дрону отбуксировать жаб к флаеру, сам же отправился на прогулку по ночному лесу. Еще по дороге к озеру он приглядел несколько деревьев с большими дуплами, отметил их на электронной карте и теперь начал методичный обход.

Первые два дупла оказались пустыми. Зато в третьем Трооста ожидал джекпот — целая стая сонных крыс-лятяг. Правда, довольно высоко. Троост уменьшил свой вес до пятнадцати процентов, переключил гравитационные подошвы на «минус» и плавно поднялся на почти двадцатиметровую высоту. Там он с ходу выстрелил в дупло из стопера, поставив его на самую малую мощность, и принялся складывать в силовой пузырь обездвиженные тельца.

Крысы-лятяги почти не отличались от земных лятяг. Мордочки немного другие, лапки подлиннее, хвост раздвоенный — вот и все различия. Ничего странного — среди инопланетной фауны нередко встречаются полифилеты земных животных. В конце концов, Вселенная ведь та же самая, законы физики те же самые, таблица элементов та же самая. Если организмы обитают в схожих условиях, то они с высокой вероятностью приходят к схожим решениям.

Взять хоть такие виды, как акула, ихтиозавр и дельфин. Рыба, рептилия и млекопитающее, совершенно разные таксоны. Но внешне они очень похожи друг на друга, поскольку для морского хищника подобная форма — одна из наиболее рациональных. Торпедообразное тело, спинной и боковые плавники — это удобно. В морях Килимы тоже водится конвергентный хищник — килимский катран.

А возвращаясь к флаеру с полным пузырем крыс, Троост неожиданно-негаданно повстречал крюконового клыкожора. И вот как раз он совершенно не походил ни на одно земное животное.

Эта жутковатая зверюга напоминала старинный турбо-вентиляторный двигатель. Почти цилиндрическое гладкое туловище, снабженное четырьмя лапами-крюками, которыми клыкожор неторопливо подтягивал себя вперед. А спереди — пасть. Постоянно распахнутая огромная пасть с кольцом устрашающих наружных клыков и целым сонмищем внутренних. Все, что попадало в этот живой реактор, мгновенно перемалывалось в труху, а затем переваривалось.

Сразу стало видно, что клыкожор — никудышный охотник. Безглазый, коротколапый, еле ползающий, он вряд ли смог бы поймать кого-нибудь более проворного, чем морская звезда. Но ему это и не требовалось. Клыкожор просто полз вперед, оставляя за собой метровую полосу голой земли. В качестве способа выживания этот вид избрал абсолютную всеядность.

Троост с большим интересом наблюдал за тем, как клыкожор наткнулся на довольно крупное дерево и начал невозмутимо его глотать — с корой, с ветвями. Впрочем, скоро он насытился — при всем желании этот зверь не мог проглотить целое дерево. Но уходить не стал — улегся в теплую грязь и задремал, ожидая, пока вернется чувство голода.

Там его и взял Троост. Подошел сзади, накрыл лучом стопера и усадил в пузырь. Пузырь на сей раз получился особенно большой — в клыкожоре было два метра с гаком. Весил же он целую тонну — антигравитант пришлось выкрутить на максимум, чтобы поднять в воздух такую тушу. Еще чуть-чуть тяжелее, и пришлось бы лепить второй.

Решив, что на сегодня достаточно, Троост погрузил добычу в флаер и полетел обратно к «Нимроду». Дрона-охотника он оставил на озере, поручив довыполнить план по гигантским волосатым жабам — и чтобы непременно был еще хоть один самец.

Порядком уставший, всю дорогу до корабля зверолов продремал. Из-за разницы в часовых поясах к «Нимроду» он прилетел задолго до рассвета, но ложиться спать не отпра-

вился. Ему нужно было устроить, осмотреть и накормить свежую добычу.

Первоочередная задача при поимке зверя — обеспечить ему пропитание. Корабельный биорепликатор может произвести любую субстанцию, но вначале ему нужен образец. Непривычную пищу большинство животных принимать отказывается, и порой приходится попотеть, чтобы выяснить, какую диету предпочитает очередной пленник. Да и после этого проблемы не всегда заканчиваются.

Например, летучие рыбы ловят крошечных насекомых — над килимскими морями их вьются целые тучи. Биорепликатор может синтезировать хоть тонну мошек, но он не может сделать их живыми. Это просто точные копии их телец. А летучие рыбы привыкли кормиться именно живой пищей, причем порхающей — на мотыля и дафнию они даже не посмотрят.

Для таких избалованных были разработаны специальные корма-обманки. Синтезируется самый обычный комочек протеина в форме какого-нибудь комара. Со всеми необходимыми витаминами и добавками, а еще — с крошечной полостью внутри или спинным пузырьком, заполненным водородом или гелием. Иногда вместо этого немного меняется форма крыльев, образуя небольшой слюдянистый «парашютик». Подается корм через трубу с обдувом, что позволяет ему «летать». Летучие рыбы кушают такую синтезированную мошкарку с аппетитом.

Или взять килимского москита-дракулу. Нетрудно догадаться, что питается он кровью. И крови ему нужно много — москит-дракула охотится на крупных травоядных, потребляя за раз до трехсот граммов. Синтезировать нужные ему плазму и гемоглобин несложно, но из блюдечка он пить не станет. Москит-дракула просто не поймет, что вот эта красная жидкость и есть его любимое лакомство. В природе он же не встречается с ней в таком виде.

Так что кровь приходится синтезировать в оболочке. К счастью, москит-дракула не требует делать ее движущейся — достаточно просто волосатой «кровяной колбасы» с характерным запахом.

Но гораздо хуже, когда неизвестно, чем именно животное питается. Весь следующий день Троост промучился, застав-

ляя гигантских волосатых жаб есть, но они упорно отказывались отведать хоть что-нибудь. Они даже шевелиться отказывались. Просто сидели неподвижно в своем аквариуме и лишь время от времени приглушенно бурчали.

Им не понравилась ни мелкая рыбешка, ни мучные черви, ни водоросли, ни пресноводные крабы. Дрон-охотник принес целый мешок того, что водится в озере Лезирович, но ничто из этого жаб не соблазнило. Они пялились на Трооста с нескрываемым отвращением и продолжали поститься.

Та же проблема оказалась и с крысами-летягами. В отличие от жабы, они носились по вольеру как угорелые, то и дело взбираясь на ветки и планируя с них, но есть... нет, есть они ничего не хотели. Троост собрал все плоды, какие только нашлись в местах их обитания, — все тщетно.

Еще во время поимки Троост просканировал и жаб, и крыс анализатором, но непереваренной пищи в желудках не обнаружилось. У крыс были какие-то комочки, но слишком бесформенные, чтобы определить, чем они были раньше. А у жаб не было и этого.

Зато крюконогий клыкожор Трооста порадовал. Кто-кто, а уж этот привередничать не собирался. Мясо, рыба, фрукты, трава, даже сухие поленья — все исчезало в этой чудовищной пасти. Треугольные зубы мелко вибрировали, измельчая корм, точно блендером. Только кидай.

И угощение добрых землян явно понравилось ему больше древесной коры. Живот клыкожора, поначалу небольшой, раздувался, будто накачанный насосом. Всего за пять минут он увеличился в объеме на добрую четверть. Троост даже забеспокоился, не повредит ли ему такое обильное питание.

Киперам клыкожор тоже сразу понравился. Иржичкова и Эмекун очень любили покладистых питомцев. Чтобы ели все подряд, не капризничали, не кусались и не слишком пачкали в вольере. Ведь это им приходилось убирать. Не вручную, конечно — вольеры автоматические, очищаются удаленно, — но пригляд человека все равно необходим.

И санобработка еще, разумеется. Эмекун почти три часа чистила крыс-летяг — их шерсть разве что не шевелилась от паразитов. На одном старом самце было найдено больше тридцати блох, десятков клещей, две жирные древесные пиявки и ноздревой глист, протянувшийся через всю трахею и

уютно свернувшийся в легких. Бедная девушка чуть не заплакала, когда извлекла эту пакость магнитным пинцетом.

Несмотря на санобработку, две крысы-летяги умерли в первый же день. Троост вскрыл их и обнаружил, что легкие бедняжек изъедены каким-то грибом. По всей видимости, болезнь ускорила из-за стресса — мелкие зверьки нередко паникуют, оказавшись в неволе. Да и крупные в общем-то.

Но зато теперь он смог взять содержимое их кишечников на химический анализ. Немного повозившись в корабельной лаборатории, зверолов хмыкнул и произнес:

— Этого следовало ожидать.

Оказалось, что крысы-летяги питаются невкусным манго. А именно его Троост почему-то забыл им предложить — видимо, подсознательно решил, что такое им точно не понравится.

Что ж, очередное подтверждение того, что вкусы у всех разные.

Глядя, с каким жаром оголодавшие летяги уплетают плоды, Троост вдвойне огорчился, что жабы по-прежнему отказываются есть. Не исключено, что они просто сыты — вон какие упитанные! — но это все-таки непорядок. Неужели придется ждать, пока одна из них тоже умрет?

Можно застопить и вскрыть живую, но Троосту не хотелось идти на такие радикальные меры. Анатомия инопланетных животных — дремучий лес даже для самых опытных ветеринаров. Нет никакой гарантии, что пациента удастся вернуть к жизни.

Зверолов изучил строение их ртов, но это ничего не дало. Зубов как таковых у волосатых жаб не было — их заменяло ороговевшее нёбо и странной формы костяные рогульки посреди нижней челюсти. Такая система могла бы подойти для разламывания панцирей улиток, но улиток жабы отвергали с тем же упрямством, что и все остальное.

На следующий день жабы продолжали поститься. Но Троост уже не мог отдавать им все свое время. Он поручил Иржичковой периодически наблюдать за ними и не переставать соблазнять всякими кормами. Сам же отправился в новую вылазку — за последним из немаркированных животных.

Обезьяной-волкоглавом.

Зоолог из лесничества сказал правду — волкоглавов на Килиме оказалось немало, но отыскать их было очень непросто. Они показывались только по ночам, днем же прятались в многочисленных на севере материка карстовых пещерах. Входы в свои логовища волкоглавы тщательно маскировали, так что даже дроны-разведчики пока что обнаружили всего одно, да и то брошенное.

Следующие четыре ночи Троост изучал волкоглавов. Он парил над их охотничьими тропами на флаере, с интересом наблюдая за этими великолепными хищниками. В зоопарке они станут настоящим хитом.

Строением тела волкоглавы напоминали земных горилл. Более двух метров ростом и почти метр в плечах, очень массивные, с развитой мускулатурой и почти черной шерстью. Но в отличие от горилл, волкоглавы не были вегетарианцами. Их лапы — как передние, так и задние — были снабжены мощными когтями, способными втягиваться на манер кошачьих. Ну а головы скорее напоминали волчьи, чем обезьяньи — вытянутая морда, заостренные клыки, большие треугольные уши и влажные собачьи носы.

Судя по тому, что наблюдал Троост, волкоглавы обладали очень развитыми чувствами. Зрение, слух, нюх — все обострено до предела. Они уверенно передвигались в кромешной тьме, реагировали на малейшие шорохи и по крайней мере дважды задирали морды, с явным подозрением следя за парящим над ними флаером. Если они чуяли человека на таком расстоянии, их обоняние должно быть просто феноменальным.

Охотниками они были чрезвычайно эффективными. Обычно действовали поодиночке, но могли объединяться в пары и тройки, а однажды Троост даже стал свидетелем групповой охоты. Целая стая из восемнадцати крупных самцов напала на килимского диплодока — пятнадцатиметровую рептилию с вытянутой шеей.

Значительно уступая жертве в росте и силе, волкоглавы восполнили недостачу умелыми совместными действиями. Они подняли диплодока с лежки, целый час преследовали его, кусая за ноги и цепляясь когтями за бока, а в конце концов загнали на крутой уступ, с которого он и сорвался. Вол-

коглавы растерзали добычу, как следует попиروвали, а оставшее утащили в пещеру — своим самкам и детенышам.

Самок Троост ни разу не встречал, а вот детенышей один раз удалось. Два старых самца с побелевшей шерстью учили четверых сеголетков бесшумно передвигаться по лесу. Один шел впереди группы, второй позади, и, если кто-нибудь из молодежи издавал хоть легчайший звук, ему сразу прилетала оплеуха. Маленькие волкоглавы обиженно тявкали, иногда огрызались, но за это им доставалось еще сильнее. Нравы в стае царили суровые.

На пятую ночь Троост стал готовиться к охоте. Он наметил для начала поймать одного самца, понаблюдать его в неволе, а потом уже поразмыслить, как лучше подобраться к самкам. Очевидно, надо искать логово, и желательно принадлежащее маленькой стае. Троост вполне убедился, насколько это опасные звери. И хотя хищники редко нападают на незнакомую добычу, своих самок и детенышей они будут защищать от кого угодно.

Подобраться к волкоглавам на флаере не получалось. Едва летающая машина начинала снижаться, звери сразу настораживались и скрывались в зарослях, под кронами деревьев. Поэтому Троост посадил флаер на небольшой прогалине, а сам устроил засаду близ популярной охотничьей тропы. Он наметил одного молодого самца, который появлялся здесь еженощно, всегда примерно в одно и то же время.

Сегодня он не изменил своим привычкам. Троост ожидал его с подветренной стороны, но для пущей уверенности использовал загонщиков. Дроны-разведчики сопровождали волкоглава, активировав систему «красный флажок». Это генератор ультразвуковых сигналов, вызывающих у зверя чувство тревоги. Он старается уйти от источника неприятного ощущения, бежит прочь... и выходит прямо на зверолова.

Так и вышло. Напуганный волкоглав вылетел перед самым носом Трооста. Он попятился, метнулся в сторону... но Троост уже выстрелил из стопера. Оглушающий луч накрыл волкоглава, и тот брякнулся оземь, издав затухающий вой.

— Прекрасно, — сказал Троост подстраховывающему дрону-охотнику. — Запакуй его и отнеси к флаеру.

Дрон издал слабое «бип-бип» и принялся выдувать сило-

вой пузырь. Споро запаковав туда волкоглава, дрон приклеился к пузырю сверху и поднялся вместе с ним в воздух.

Почти вдвое меньше своей ноши, дрон производил странное впечатление — точно уродливый карлик, везущий великана на собственном хвосте. В детстве Троост читал подобную сказку... что-то про рыцаря и слепую красавицу... подробностей он не помнил.

Инф подсказал, что эта книжка называется «Вакханалия до минор» — фантазмагорическая новелла-сказка начала двадцать второго века. Автор неизвестен — книга появилась в Сети в качестве мистификации, массового розыгрыша. Позднее, когда она стала необычайно популярна, авторов объявилось аж полтора десятка, но лингвистический анализ опроверг их притязания.

Неожиданно Троосту захотелось перечитать эту книгу. Он вызвал текст, перебросил его в допреальность, и в небесах начали вспыхивать огненные слова.

«Случилось это в славном городе Багдаде, в те далекие времена, когда правил там великий и мудрый халиф Гарун аль-Рашид. И еще жили там три товарища, три разбойника. Хасан с Ахмедом, да за старшего у них плешистый Селим-ага. Любил этот Селим ночами по городу гулять да купцов потрошить...»

Троост успел прочесть только первый абзац. После этого его прервали самым грубым образом. Сначала тревожно запищали дроны-разведчики, а потом он и сам услышал нарастающий шум. Кто-то ломился сквозь кусты — огромная туша... причем не одна...

Они выпрыгнули с трех сторон одновременно. Три волкоглава — матерых, лоснящихся, сдавленно рычащих. Даже если бы дроны засекли их раньше, Троост бы все равно не успел убежать.

Трое. Троост мгновенно понял, что застопить всех разом не удастся никак. Одного — да. Двоих — может быть.

Но третий его растерзает.

Дроны-разведчики прибавили «красные флажки» на полную мощность. Но «тревожный» ультразвук сейчас нисколько не пугал волкоглавов — в такую они пришли ярость. Троост включил свой собственный шумовой генератор — никакого эффекта. Волкоглавы лишь еще громче зарычали, явно готовясь броситься.

Подняться в воздух не получится. Троост просто не успеет достаточно снизить вес и задействовать антигравитанты. Хищникам хватит одного прыжка.

Дрон-охотник тоже не успеет на помощь. Он уже слишком далеко. Конечно, Троост сразу scomандовал ему возвращаться, но даже на предельной скорости машине потребуется минуты две, не меньше.

И тогда Троост решил воспользоваться советом зоолога из лесничества. Он расслабил все тело, подогнул колени, закрыл глаза и упал на землю, словно бездыханный.

Он сильно сомневался, что это поможет. Не настолько же волкоглавы глупы. Даже если они действительно принимают спящих за мертвых, то вряд ли побрезгуют тем, кто «умер» прямо на их глазах.

Но это помогло. Троост, поступивший так исключительно от безысходности, пораженно услышал, как волкоглавы твякают и порывают, но отнюдь не спешат вонзить в него клыки. Один из них наклонился так близко, что Троост почувствовал жар его дыхания, и тщательно обнюхал человека. Другой начал его ощупывать, уделив особенное внимание сапогам. Когти он не выпускал.

Еще немного потявкав, волкоглавы подняли Трооста и куда-то потащили. Дрон-охотник к этому моменту уже вернулся, но Троост приказал ему пока не вмешиваться. Зверолову стало интересно, что произойдет дальше.

Конечно, он сильно рисковал, но ничего не мог с собой поделать. Дух натуралиста был сильнее. Троосту очень хотелось увидеть логово волкоглавов — их семейную жизнь, самок с детенышами. Если для этого нужно прикинуться добычей... что ж, пусть будет так.

Тем более, лее что его подстраховывает дрон-охотник. В случае чего он просто застопит всех...

...бамц!.. дзиньк!..

Эти звуки Троосту совсем не понравились. Он осмелился приоткрыть один глаз и увидел, что на дроне висят два волкоглава. Похоже, прыгнули на него с дерева. Несчастливая машина, получившая приказ не вмешиваться, даже не защищалась... и волкоглавы ломали ей манипуляторы!

Троост хотел отменить приказ, но уже не успел. Волког-

лав, державший его за плечи, заметил открытый глаз пленника, гневно рывкнул и... ударил его головой о камень!

Сознание померкло, и Троост погрузился в черноту.

Когда он очнулся, вокруг было по-прежнему темно. Зверолов лежал у холодной стены, на куче... похоже, что костей. По всей видимости, волкоглавы притащили его в свое логово, но убить пока не убили. Это не могло не радовать.

Первым делом Троост обратился к дрону-охотнику. Тот не подавал сигналов. Неужели волкоглавы сумели вывести его из строя? В таком случае их следует поздравить: охотник — очень надежная машина, сломать его удавалось немногим.

За всю практику Трооста подобных случаев было только пять, и все это были куда более крупные животные. Одного, например, на Суртуре растоптал бахамут колоссальный — при всей своей прочности дрон-охотник не вынес трехсот тонн живого веса.

Убедившись, что на дрона рассчитывать нечего, Троост послал SOS на «Нимрод». Он в нескольких словах обрисовал Паку свое положение, велел зафиксировать его координаты и выслать подкрепление. Корабельный мозг не удержался от колкости, но подкрепление, разумеется, выслал.

Однако через пару минут он снова вызвал Трооста и сообщил, что координаты фиксируются с очень большой погрешностью. Спутник вокруг Килимы курсирует всего один, а Троост находится где-то под землей.

Вот флаер он успешно зафиксировал, так что подкрепление отправится туда, а уж на месте попробует сориентироваться. До тех пор Троосту желательно остаться в живых.

Эту задачу Троост и сам планировал выполнить. Его модифицированные глаза уже вполне приспособились к царящему вокруг мраку. Зрачки расширились до предела, зрение частично перешло в инфракрасный диапазон, и Троост мог нормально видеть, что происходит в пещере.

А пещера оказалась воистину огромной. По меньшей мере три тысячи квадратных метров. Через нее протекал ручей, с потолка свисали сталактиты, а вот сталагмитов не было... точнее, были, но все поломанные, превращенные в каменные «пеньки». На некоторых из таких пеньков восседали волкоглавы.

Волкоглавов здесь оказалось около сотни. Три десятка взрослых самцов, примерно столько же самок, десятков стариков обоего пола и куча щенков. Эти резвились в самом центре пещеры — одни плескались в ручье, другие наперегонки гонялись за каким-то грызуном, третьи попросту дрались. Все происходило в полной тишине — лишь изредка кто-то рывкал или взлаивал.

На Трооста пока что не обращали внимания. Он осторожно повертел головой и понял, что лежит то ли в кладовой, то ли прямо на обеденном столе. Большая часть его соседей представляли собой обглоданные скелеты, но были и относительно целые. Почти нетронутая туша оленеподобного создания. Груда крупных рыб. И даже клыкожор — вроде бы еще дышащий. Троост и не подозревал, что кто-то ими питается.

Изучив огромную пещеру, Троост насчитал девять лазов. Два совсем узкие — волкоглаву явно не пролезть, да и у Трооста не та комплекция. А вот семь остальных активно использовались. Волкоглавы то и дело появлялись из одних и исчезали в других.

Особенно Трооста заинтересовал один ход. Он использовался чаще других, и из него явственно веяло свежим воздухом. Не иначе ведет наружу.

Осталось только каким-то образом проскользнуть мимо стаи клыкастых хищников.

Ничего из вещей Трооста не пропало. Волкоглавы немного порвали комбинезон, пока волокли добычу, но это не страшно, ткань срегенирует. Главное, что стопер, биоскатель, шумовой генератор и ИГ-пояс на месте.

Теперь, когда волкоглавы спокойны, тревожные сигналы должны будут вывести их из равновесия. Можно уменьшить свой вес до предела, подняться к потолку, распугать зверей ультразвуком и выйти наружу, ориентируясь по биоскателью. Если кто-то бросится — оглушить стопером.

Но пока что Троост продолжал лежать. Ему было очень интересно наблюдать обезьяну-волкоглава в естественных условиях. Потом надо будет просмотреть записи инфы и сделать из них отдельный эпизод для фильма об экспедиции.

Жаль, Троост был без сознания, пока его сюда несли. Инф

фиксирует только то, что видит глаз. Можно прослушать звук, но вряд ли рык и вой дадут что-то полезное.

Зато теперь кадры идут просто великолепные. Троост осторожно выпустил из карманов двух дронов-разведчиков — те воспарили под потолок и стали снимать оттуда. Вроде бы волкоглавы ничего не заметили.

Уже через несколько минут Троост стал подмечать признаки развитого социального поведения. У волкоглавов явно существовала сложная иерархия — особо крупный альфа восседал на возвышении, окруженный другими доминантными самцами, а гриву ему расчесывали целых три самки — довольно изящные, с необычайно вытянутыми мордочками. Троост предположил, что с точки зрения волкоглавов это очень привлекательные особи.

В стае оказалось на удивление много стариков. Дикие животные редко задерживаются в преклонном возрасте — травоядные становятся легкой добычей для хищников, а хищники чахнут от голода, не в силах поймать добычу. Но похоже, волкоглавы — настолько успешные хищники, что могут позволить себе выделять часть пищи иждивенцам. Нетипичное явление.

Хотя эти старики вели себя не как иждивенцы. Косматые, со слезящимися глазами, многие уже беззубые, они бродили по всей пещере, отвешивая оплеухи щенкам и задирая самок. Один из них, особенно дряхлый, даже подошел к вожаку, что-то дерзко рявкнул и тот — поразительно! — выставил обнаженное горло в несомненном жесте подчинения.

А после этого началось что-то странное. Еще в самом начале Троост заметил, что большая часть сталагмитов в пещере обломаны. Но было одно исключение — великолепный, огромный сталагмит на возвышении, чуть поодаль от вожака.

Этому сталагмиту не хватало совсем чуть-чуть, чтобы превратиться в сталагнат — промежуток оставался всего в пару сантиметров. Форму он тоже имел диковинную — очень толстый, с шишковидными выпуклостями, бороздами, причудливыми натекками. При богатом воображении его можно было принять за статую — этакая раздобревшая Венера Милосская.

И теперь волкоглавы стали зачем-то собираться вокруг

этого почти сталагната. Они расселись кружком, причем ни самок, ни детенышей не допустили — те сгрудились в дальнем углу и пугливо смотрели оттуда.

Наравне с остальными сидел и альфа-самец. А рядом — косматый старик, который на него рычал. Волкоглавы одновременно начали раскачиваться, издавая утробное ворчание, и, когда оно стало особенно громким, старик подошел к сталагмиту и положил у его подножия несколько костей, оторванную голову какого-то копытного и большой, жирный кусок мяса. Сделав это, старик вернулся в общий круг.

После него к сталагмиту потянулись другие. Волкоглавы по очереди вставляли, клали в растущую кучу кусок мяса, лоскут шкуры или чей-нибудь череп и снова садились. Остальные продолжали раскачиваться и размеренно ворчать.

Троост наблюдал за этим очень внимательно. Он начал догадываться, что тут происходит. И когда окончательно перестал сомневаться, то поднялся на ноги и тоже подошел к сталагмиту.

Волкоглавы сначала даже ничего не поняли. Но после того, как Троост положил в общую грудку бутерброд с ветчиной, они резко замолкли и уставились на него. Косматый старик вскочил с места, подбежал к сталагмиту, схватил бутерброд и внимательно его обнюхал. Обнюхав — положил обратно и пораженно приоткрыл пасть.

А Троост спокойно уселся рядом с вожаком и тоже принялся раскачиваться, издавая ворчание. Получалось не очень похоже, но он старался изо всех сил.

На лесной поляне стояли три флаера. Один из лесничества и два с «Нимрода». Урс Таркас внимательно изучал флаер, на котором прилетел Троост, но следов его самого не находил. Иржичкова осматривала грузовой отсек — там висел силовой пузырь с запакованным в нем волкоглавом. Ужасный хищник скалил клыки и время от времени пробовал вонзить в стенку когти. В глазах зверя плескалось бешенство.

Люди из лесничества сканировали местность. Зоолог, интендант и пилот разбрелись по всей поляне, пытаясь поймать сигнал пропавшего зверолова. Тот несомненно был еще жив, инф работал исправно, но на прямой вызов выплывало сообщение: «ЗАНЯТ. ПРОШУ НЕ ОТВЛЕКАТЬ».

Таркас уже активировал дрона-охотника, оснащенного системой «следопыт», и собирался отправляться на поиски, когда раздвинулись кусты и Троост невозмутимо вышел на поляну.

Но не один. Бок о бок с ним ковыляли два волкоглава. При ходьбе они опирались на передние лапы, что делало их похожими на горилл-оборотней. На людей оба хищника смотрели настороженно, с опаской, однако не убежали и не бросались.

— Шеф, с вами все в порядке! — облегченно воскликнула Иржичкова.

— В порядке, — кивнул Троост. — Позвольте представить моих новых знакомых. Это Аахр, а это Ыагр. Старший охотник и младший шаман племени Ускуллах.

Эти слова оглушили всех не хуже тяжелого стопера. Несколько секунд все только и могли, что молча таращиться на Трооста и его спутников.

— Честно говоря, я не уверен, что их имена произносятся именно так, — спокойно продолжил зверолов. — Их язык весьма труден для человеческой гортани. Я уже выучил полтора десятка слов, но в основном мы объяснялись жестами.

— Троост, вы... вы не шутите?.. — выдавил из себя зоолог. — Они в самом деле... э... в самом деле?..

— О да, вне всякого сомнения. Кстати, должен вас поблагодарить — мне очень помог ваш совет. У них, оказывается, есть своеобразный кодекс, декларирующий правила охоты. И одно из первостепенных правил — запрещено убивать спящих. Даже опасных хищников... каковым они посчитали и меня после того, как я взял в плен сына вождя. Да, Иржичкова, не могли бы вы его выпустить? Я бы хотел перед ним извиниться.

— Да, конечно! — метнулась к флаеру Иржичкова. — Кстати, шеф, я выяснила, что ест волосатая жаба!

— О-о?.. — заинтересовался Троост.

— Орехи, оказывается!

— Орехи?.. Но они же вододышащие!

— Ага! Но они, оказывается, вылезают за ними на сушу! Представляете?

— Вот уж никогда бы не подумал... — развел руками Троост.

Выбравшись из силового пузыря, Ынграхр, старший сын и наследник могучего вождя Ыйка, был вне себя от злости. Потребовалось немало времени, чтобы он успокоился и согласился принять извинения безволосых чужестранцев с плоскими лицами.

— Поразительно, — пробормотал зоолог, обмениваясь с шаманом Ыагром ритуальным обнюхиванием. — Невероятно. Троост, как же вы догадались, что они разумны? Я наблюдал за ними достаточно долго, но не заметил никаких признаков...

— А-а-а!.. — довольно хмыкнул Троост. — Тут занятная история... Скажите — какие вы можете назвать признаки наличия интеллекта?

— Ну... В этом я не специалист, но, полагаю, общение... орудия труда... сельское хозяйство...

— Верно, однако все это встречается и у животных. Высокоразвитые животные способны худо-бедно общаться и использовать примитивные орудия. Некоторые даже умеют их изготавливать, хотя и всегда по одному и тому же, продиктованному инстинктом шаблону. Ну а сельское хозяйство... вспомните хотя бы муравьев.

— Строительство?.. — предположил зоолог.

— Ну что вы. Птицы, бобры, сорные куры, многочисленные норные животные, да и снова те же муравьи. А вспомните мирмеков с Ахилла — их постройки поначалу приняли за города высокоразвитой цивилизации.

— Творчество?.. Наскальная живопись там, музыка...

— Отнюдь. Это у животных тоже встречается, хотя и в очень примитивной форме.

— Войны?..

— Муравьи, термиты и шимпанзе ведут войны. Самые настоящие.

— Одежда?..

— Нам известно семнадцать разумных видов, не считая людей. Одежду из них носят только пять. Считая людей — шесть. В то же время существуют неразумные жизненные формы, которые украшают или маскируют себя подобием одежды. Так что это не показатель.

— Э-эм... Геометрия?.. Теорема Пифагора?.. — начал отчаиваться зоолог.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>История первая.</i> Правила охоты	5
<i>История вторая.</i> Призрак торфяных болот	37
<i>История третья.</i> Йунглюль	53
<i>История четвертая.</i> Случай в зоопарке	81
<i>История пятая.</i> Дикари	121
<i>История шестая.</i> Большой Эдемский Шлем	150
<i>История седьмая.</i> Песни Лорелей	167
<i>История восьмая.</i> Профессиональный убийца	196
<i>История девятая.</i> На пыльных тропинках	233
<i>История десятая.</i> На берегу пьяного моря	289
<i>История одиннадцатая.</i> Восточный ветер	309